

УДК 070-054.72 (571.6)

© *Е. С. Бабкина, 2012*

ДЕТСКИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Бабкина Е. С. – канд. филол. наук, доц. кафедры «Русская филология», тел. 22-44-07, e-mail: gussinda@yandex.ru (ТОГУ)

Издательская деятельность дальневосточной эмиграции обусловила появление журналов для детей, основанных на традициях российской детской периодики XIX – начала XX вв., развивавшихся под воздействием сложных культурно-исторических событий Восточной Азии 1920-1940-х гг.

Publishing activity of the Russian Far Eastern emigration had caused appearance of children's magazines based on the traditions of Russian children's periodicals of the XIX – the early XX centuries. These traditions were developed under the influence of complex cultural and historical events in the East Asia during the 1920-1940s.

Ключевые слова: журналистика детская, периодическая печать, русское зарубежье, Дальний Восток, межкультурная коммуникация.

Несмотря на неослабевающий интерес к литературе и культуре русской эмиграции на Дальнем Востоке, многое, в силу закрытости и ограниченности редких изданий монографий и периодики, выходявших в России и за рубежом в 1920-1940 гг., остается неисследованным. Наименее изученной является деятельность газет и журналов для детей, выпускавшихся в послереволюционный период русскими эмигрантами за рубежом.

Периодические издания для детей возникли в первые годы эмиграции. Точное их количество, к сожалению, неизвестно. Очевидно лишь то, что издательскими центрами детской периодики русской Азии в 1920-1940-х гг. стали Харбин и Шанхай.

В отличие от своих соотечественников в Европе, активизировавших выпуск печатных изданий для взрослых, эмигранты Китая стали одними из первых россиян в Азии, которые обратились к выпуску детской периодики.

В условиях изгнания судьба ребёнка складывалась особенно драматично. Благополучных детей в эмиграции было мало: немногочисленные приюты не имели возможности принять всех беспризорников, счастливыми считались

те, кто имел дом и семью. Активная благотворительная деятельность русских предпринимателей Китая, общественных организаций и простых граждан во многом смягчала ситуацию, но не могла изменить ее кардинально. Помимо материальной помощи малышам и подросткам требовалось нечто более важное и нужное – помощь психологическая, которую во многом призвано было оказать печатное слово.

Среди немногочисленных детских изданий русского рассеяния на Дальнем Востоке известны очень немногие. Так, одним из первых в 1921 году в Харбине появился детский журнал «Василёчки», выпускаемый раз в две недели издательством «Группа». Другое харбинское издание (1937 г.) – журнал «Крошка», выпускаемый издательством «Руководящий центр фашистских крошек», определённо носил политический характер [1].

Первым русским детским изданием Шанхая (1936 г.) стал журнал «Кот Мурлыка», предназначенный для детей старшего возраста. Его достоинством стало то, что в нём публиковались произведения местных авторов: лейтенанта Льдовского, Б.Я. Ильвова, К.В. Шендриковой и др. [1].

Самым популярным журналом для детей в дальневосточной эмиграции был журнал «Ласточка». Это одно из немногочисленных изданий, которое на протяжении двух десятков лет разделяло тяготы русских беженцев в Восточной Азии и воспитало не одно поколение детей-эмигрантов. Журнал начал издаваться 15 октября 1926 года, просуществовав до 1945 г.

Несмотря на сложные финансовые условия, в которых находились издатели-эмигранты, журнал традиционно печатался на плотной бумаге хорошего качества, средним шрифтом, удобным для детского чтения, с использованием иллюстраций.

Художник в детском издании – полноправный соавтор писателя. Авторы «Ласточки» понимали, что юного читателя едва ли может увлечь сплошной буквенный текст без картинок. Ведь первые сведения о мире ребёнок получает не посредством печатного слова, а через звук и предметный образ. И чем этот образ нагляднее – тем он привлекательнее. Помня об этом, издатели «Ласточки» старались изо всех сил. Тем более что неудачный опыт оформления иллюстраций издание уже имело. Создатель «Ласточки» – А.Я. Буйлов – «даже не трудился ставить подходящие картинки, просто брал первое попавшееся под руку клише, – какое было, часто неудачное. /.../ сказка «Фея письма», а рисунок – свинья около корыта!» [3].

Очевидно, что первый издатель и редактор «Ласточки» А.Я. Буйлов (1926-1930) не сумел грамотно организовать выпуск и сбыт издания: небрежность в оформлении, бессистемный подбор материала не привлекали внимания юных подписчиков, а дороговизна типографских расходов усугубляла положение – журнал оказался под угрозой закрытия.

Вторую жизнь «Ласточке» подарил Е.С. Кауфман, директор-распорядитель издательства «Заря», который буквально за бесценок купил издание. Желая оживить слабый в формальном и содержательном отношении журнал, новый издатель сделал ставку на качество. Практически каждое

стихотворение, рассказ или сказка сопровождалась иллюстрациями. Образы вымышленных персонажей были чёткими, узнаваемыми, яркими, несмотря на монохромность рисунка *. Вместе с тем, данная особенность журнала во все не воспринималась как недостаток, даже исходя из современных требований к детской печати.

Под руководством Е.С. Кауфмана «Ласточка» стала самым популярным детским журналом не только в Китае, но и в Японии, Германии, Франции, Турции, США, просуществовав до 1945 года. Среди детской периодики это было беспрецедентное издание по своей доступности, частоте и продолжительности выпуска. Несомненным достоинством журнала являлась регулярность его выхода в свет (журнал издавался раз в две недели). «Ласточку» можно было получить по подписке или же приобрести через сеть розничной продажи.

Равновесие между словом и иллюстрацией, логичное расположение материала, обусловленное знанием особенностей детской психологии и задачами педагогики, выстроили чёткую концепцию издания и определили «лицо» журнала.

Журнал «Ласточка» использовал все лучшее, что было в русской литературе для детей XIX – начала XX вв. Как известно, родоначальником отечественной журнальной периодики для детей явился Н.И. Новиков и его журнал «Детское чтение для сердца и разума» (1785 –1789), который во многом определил основные направления деятельности детской журналистики: воспитание душевных качеств и развитие интеллектуальных способностей ребенка. Как и Н.И. Новиков, издатели «Ласточки» понимали, что для детей дошкольного и младшего школьного возраста воспитание чувств не менее, а может быть, и более важно, нежели развитие ума. Проблема духовного развития подрастающего поколения дальневосточной эмиграции стояла в это время особенно остро. Многие эмигранты, оказавшись на чужбине без родных и близких, утратили стабильность мироощущения, пребывали в состоянии душевного излома. Поэтому основная задача, которую ставили перед собой издательства, выпускающие детские журналы, заключалась в том, чтобы помочь ребенку в трудном процессе выздоровления, обретения душевного спокойствия. Профессиональные журнальные принципы Н.И. Новикова: сочетание художественного и научно-познавательного материала, ориентация на грамотную русскую речь и правильный разговорный стиль, нацеленность на гармоничное развитие, отсутствие нарочитой назидательности – легли в основу детской периодики русского Китая.

Первый издатель и редактор, основатель «Ласточки» А.Я. Буйлов (1926 – 1930 гг.), в предисловии к первому номеру писал: «Мы глубоко убеждены, что издаваемый нами журнал необходим в каждой семье как постоянный

---

* В силу все тех же экономических трудностей, цветной в «Ласточке» была лишь обложка, а все иллюстрации и рисунки были сине-белыми (для шрифта и иллюстраций использовалась синяя краска), а с 1940-х гг. – черно-белыми.

спутник ребенка. Стихи, рассказы и сказки, вполне понятные и дающие детям не только гармонию звука, но и красочное изображение в красивой речи близких им картинок разных моментов их собственной жизни, или иллюстрирующие природу и животный мир, – как нельзя лучше помогают, во-первых, развивать ум, сердце и эстетические наклонности подрастающего человека; во-вторых, учат красиво говорить на родном языке и, наконец, незаметно укрепляют память, что так важно в детском возрасте» [2].

Присущие журналу Н.И. Новикова демократизм, дух гуманизма, идеи патриотизма и гражданского долга нашли свое развитие в «Ласточке». «Елка бедным детям», «Не забудем бедных деток!» – эти мотивы милосердия, помощи и сострадания, обращенные к малышам и их родителям, стали определяющими в творческой жизни издания.

Из российских дореволюционных журналов «Игрушечка» (1880 – 1912) и «Светлячок» (1902 – 1920) в «Ласточку» пришла рубрика, посвященная ручному труду: приложение к изданию включало в себя забавные игрушки, поделки, изготовлению которых учил журнал.

Российский журнал «Маяк» (1909 – 1918) содержал раздел «Письма наших читателей и ответы на них». В харбинской «Ласточке» он получил название «Наши читатели – сами писатели». Рубрика предполагала обратную связь с подписчиками, стимулировала развитие творческой инициативы малышей: печатала их стихи, рассказы, являлась посредником в переписке юных читателей Азии и Европы. Большой объем детской корреспонденции свидетельствовал о потребностях детской души в доверительном общении, творческом самовыражении.

Для поддержания материальной базы издания основатель «Ласточки» А.Я. Буйлов предложил читателям присылать для публикации фотографии детей – впоследствии «Конкурс прелестного ребенка» стал постоянным и одним из самых любимых среди читателей «Ласточки».

Очевидно, что продолжительный успех «Ласточки» не сводился к слепому копированию рубрик дореволюционных российских изданий. Популярность издания была обусловлена его содержанием: психологически точные, тонкие тексты, созданные писателями-эмигрантами, воспитывали чувства и мысли, помогали растущему человеку укреплять в себе жизнестойкие силы. Журнал должен был не только развлекать и просвещать, но и отражать все ценностные ориентиры миропонимания как целостной органической системы, охватывающей не только сферу материальной деятельности, но и многообразие человеческих отношений.

Придерживаясь современной классификации текстов для детей, публикации журнала условно можно разделить на три группы:

- произведения, прямо адресованные детям;
- произведения, созданные для взрослых, но нашедшие отклик у детей (притчи, библейские предания; сюда же можно отнести и рекламные объявления, адаптированные к детскому восприятию – Е.Б.);
- произведения, сочиненные детьми (детское литературное творчество) [4].

Любопытно отметить, что основное содержание «Ласточки» составили не столько ценные в художественном отношении произведения, сколько не признанные таковыми. Несмотря на трепетное отношение представителей дальневосточной эмиграции к русскому литературному наследию XIX века, произведения А.С. Пушкина, П.П. Ершова, И.А. Крылова, С.Т. Аксакова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и других отечественных классиков (в том числе и детской литературы) журнал не публиковал*. Издатели намеренно обращались к творчеству русских не менее талантливых поэтов-современников: Корнея Чуковского, Саши Чёрного. Но и их стихи печатались нечасто.

Значительную часть публикаций журнала составляли собственно детская поэзия и проза. Для «Ласточки» авторитет ребёнка-литератора был не менее значим, чем произведения состоявшегося художника слова: издатели ценили детское творчество в его первичной, не скорректированной взрослыми форме, признавая за ним право также называться искусством.

Безусловно, детские произведения, поступающие в редакцию «Ласточки», были далеки от совершенства. Но редакторский коллектив журнала осознанно избегал их литературной правки. В своём отношении к детскому речетворчеству «Ласточка» была близка взглядам К. Чуковского. Выдающийся исследователь психологии детства «от двух до пяти», основоположник детской литературы XX века, он доказывал, что любой ребёнок обладает огромными творческими возможностями, даже гениальностью; ребёнок – величайший труженик на ниве родного языка, который как ни в чём не бывало ориентируется в хаосе грамматических форм, чутко усваивает лексику, учится читать самостоятельно [4]. Иначе говоря, активно выступая против редактирования сочинений юных авторов, К. Чуковский выступал против канонов взрослой литературы в детском творчестве. Возможно, именно поэтому К. Чуковский стал единственным советским поэтом, чьи произведения регулярно публиковались на страницах самого популярного детского издания дальневосточной эмиграции.

Вместе с тем столь снисходительное отношение взрослых к детским «опусам» имело для издания и отрицательную сторону. Радуюсь появлению своих имён в печати, дети буквально заваливали редакцию своими «творениями». Зачастую желание увидеть своё имя на страницах любимого журнала было настолько велико, что побуждало юных читателей идти на уловки, лукавить, однако, хитрости малышей сразу раскрывались редакторами «Ласточки» и находили публичное осуждение в рубрике «Почтовый ящик»:

«Елене Ковригиной.

Ты прислала нам старое, всем известное стихотворение и пишешь, что сочинила его сама. Ай-ай-ай, как некрасиво!» [5].

---

* Редкое исключение составляет стихотворения К.Д. Ушинского «Христос Воскрес!», опубликованное в пасхальном номере «Ласточки» за 1932 г. (№ 9).

Поощряя творческие порывы своих читателей, издатели «Ласточки» не только развивали их способности, но и давали малышам необычайный заряд жизнелюбия и жизнестойкости, дарили радость и полноту жизни.

Помимо отечественной литературы журнал публиковал произведения зарубежных писателей. Так, в переводе Е. Александровой в журнале представлены английская сказка «Шкура счастливого осла» (№ 15 от 6 августа 1932 г.), японские сказки «Наказанная зависть» (№ 16 от 27 августа 1932 г.), «Господин воробей» (№ 17 от 10 сентября 1932 г.), «Волшебный чайник» (№ 18 от 24 сентября 1932 г.), «Мальчик-персик» (№ 15 от 5 августа 1933 г.) и т.п. В переводах И. Кухина печатались китайские сказки. Характерно, что произведения зарубежных писателей и иностранный фольклор издатели журнала предпочитали не переводить, а пересказывать и досказывать, вероятно, учитывая, что в собственно переводе многое для ребёнка могло остаться непонятым.

Основу «Ласточки» составили тексты не профессиональных детских писателей, а любителей, сочинявших забавные истории «о приключениях зверюшек, одетых, как детишки, и живущих человеческой жизнью» [3]. Свидетельством тому являются многочисленные стихи и рассказы, написанные под псевдонимами Нушка, Мурка, Юрка, Алёнушка, Ушастик, Мурзилка, Бэбка. На сегодняшний день достоверно можно определить авторство лишь одного из них: под псевдонимом Юрка писала Е.А. Васильева – сочинитель текстов, художник, а впоследствии и редактор журнала.

Е.А. Васильева вспоминает, что на протяжении почти двадцатилетней истории издания его коллектив менялся не раз: «Вначале я была не единственным сотрудником журнала. Писали многие. Но напишут один-два рассказа – и фантазия у них кончится. Или пишут таким взрослым, ходульным языком, что и взрослому читать трудно. Я сначала слушалась указаний, как надо писать; слушалась советов старших, но потом нашла свой собственный стиль, писала всё увереннее и не поддавалась на просьбы редактора “писать разными стилями”. Самые слабые мои вещи были написаны под такую вот “диктовку”. Но я как-то инстинктивно чувствовала, что годится и что не подходит для моих маленьких друзей. А в самые последние годы, когда я стала сама редактором “Ласточки”, я даже не “приносила материал на просмотр “дяде Жене” (Е.С. Кауфман – автор.), как всегда делал прежний редактор, а просто клала ему на стол готовый отпечатанный журнал» [3].

Все произведения, публикуемые в журнале, были написаны легким, понятным для детей языком и отличались жанровым разнообразием. Наибольший интерес у юных читателей «Ласточки» вызывали задания развивающего характера: игры, шарады, ребусы, кроссворды и анаграммы. Рубрика «Подумайте-ка!», в которой они публиковались, на протяжении многих лет занимала первые страницы издания. Авторами игр часто являлись сами дети.

К содержанию игрового материала редакторский коллектив издания подходил очень серьезно. Обладая действительно универсальным потенциалом рецепции, игра занимает чрезвычайно важное место в формировании че-

ловека, является своеобразной школой жизни: в процессе игры ребенок познает мир и свое место в нём. Игры не только развивают ловкость и сообразительность, но и приучают ребенка подчиняться общепринятым правилам: ведь любая игра проходит по заранее оговоренным условиям. Именно в игре устанавливаются отношения сотворчества и добровольного подчинения по игровым ролям, отрабатываются правила поведения в будущей взрослой жизни. Кроме того, помимо познавательной функции, игровая деятельность выполняет ещё и функцию гедонистическую: сам процесс игры, которой увлечён ребенок, вызывает положительные эмоции, приносит ему наибольшее счастье.

Стремление заполнить эмоциональный вакуум, изгнать из детской души страх и смятение, вызванные социальными катаклизмами, актуализировали в журнале детские игры с эмоциональной составляющей. Так, незначительная по объёму в начале 1930-х годов рубрика «Подумайте-ка!» к 1935 году значительно увеличилась, вытеснив приложение по ручному труду и рубрику «Отчего и почему?». Интеллектуальные игры дополнились физически активными, деятельными забавами на свежем воздухе, такими как: «заячьи гонки», «поиски клада», «имя из камешков», «дедушка Водяной» и другие.

К разновидностям игровой деятельности на страницах «Ласточки» можно отнести и такое детское увлечение как коллекционирование. Коллекционирование следует главному правилу игры: оно идёт по правилам. Здесь, как и в спорте, ставятся цели достижения превосходства над другими (собрать больше и лучше). А поскольку коллекционирование требует определённых знаний, то способствует и развитию личности ребёнка. В рубрике «Наши читатели – сами писатели!» нередко публиковались письма детей с просьбой о переписке по увлечениям: «Среди наших читателей есть увлекающиеся собиранием марок, которые хотят переписываться с другими читателями с тем, чтобы в каждое письмо вкладывалось /.../ несколько марок для коллекций. Мы получили 2 письма – из Мукдена и из Франции. Кирилл Волков хочет обмениваться марками. /.../ Галя Зайцева просит прислать ей китайских, японских и сибирских марок. /.../» [6].

Помимо развивающей функции коллекционирование выполняет функцию компенсаторную: является способом психологической защиты, снимает внутреннее напряжение. Увлечение собиранием каких-либо предметов компенсирует дефекты окружающего мира, позволяя ребёнку хотя бы на время избежать его хаоса. В несовершенном мире и сумбурной жизни коллекционирование как игра создает пусть временное, ограниченное, но совершенство.

Важная эмоциональная доминанта всех произведений «Ласточки» – оптимистическое мироощущение. Среди текстов, написанных писателями и поэтами для детей, мы не обнаруживаем ни одного с описанием чувства безысходного страдания или горя: «Никогда ни в одном рассказе не было плохого конца... Никогда не было, чтобы ложь и злые поступки торжествовали», – вспоминает Е.А. Васильева [3]. Психика ребенка плохо приспосабливается к

мысли о дисгармоничном мире. Дети жаждут счастливой развязки, поэтому для усиления оптимистического настроения произведений авторы часто прибегали к подчеркнuto счастливому концу.

Вместе с тем, настраивая ребенка на оптимистическое мироощущение, издатели журнала не ставили перед собой задачу увести его в мир грез, полностью изолировав от тягот внешнего мира. Детская природа не терпит трагического конца, а между тем реальная действительность изгнанников была полна драматизма: голод, лишения, опасность, нависшая над жизнью и свободой в результате сложившихся обстоятельств. В содержании «Ласточки» часто встречаются ситуации, в которых описываются трудности природного и социального характера изгнанников. Так, в № 16 от 27 августа 1932 года сообщается о наводнении, повлекшем за собой задержку в выпуске журнала на неделю. А несколькими номерами позже, в № 22 от 19 ноября 1932 года, в рубрике «Отчего и почему?» выходит статья «Что такое стихийное бедствие?», в которой авторы в доступной для ребенка форме рассказывают о правилах поведения при наводнении, пожарах и землетрясении. Издатели журнала убеждены, что тот душевный труд, который проделывает ребенок, воспринимая тексты подобного содержания, очень важен для воспитания активного человека, наделенного не только интеллектом, но и чуткой душой, чувствительной к тяготам внешнего мира.

Процесс создания журнала был долгим и непростым, но шаг за шагом журнал набирал силу, формировал свое «лицо», завоевывая популярность у юных читателей. Структурные и содержательные новообразования в детской периодике русского рассеяния были обусловлены сложными интеграционными процессами вхождения российских изгнанников в культурную, социальную и политическую жизнь Восточной Азии 1920-1940-х гг. Без преувеличения можно сказать, что само время вызвало к жизни это издание и обусловило его во многом новое содержание.

Так, нововведением «Ласточки» стала рубрика «Английский уголок», которая не только выполняла задачу всестороннего развития ребенка, но и отвечала потребностям в изучении российскими эмигрантами английского языка. Небольшие стихотворения на английском языке, публикуемые в каждом номере журнала, давали азы иностранного языка, столь необходимого для жизни за рубежом: «Русский язык мог быть в помощь только в тех случаях, когда ищущий работу находил ее на русских предприятиях, в магазинах, ресторанах, редакциях. Англоязычное влияние доминировало. Ради трудоустройства нужно было срочно учить английский» [7].

В начале 1943 года, под влиянием политики японизации, этот раздел вытеснила рубрика «Ниппонский уголок», на страницах которой проводились уроки японского языка для малышей: «Все вы знаете, детки, как сейчас важно знать ниппонский язык. У многих из вас папы и мамы, тети и дяди поступили на курсы ниппонского языка. Ваши старшие братья и сестрички учат этот язык в школах /.../ Постарайтесь запомнить те слова, которые мы будем помещать на страничку, отведенную для уроков, ребятки!» [5].

Условия эмиграции предъявляли к издателям особые требования в изложении азов православия, сохранении представлений о традиционной русской культуре. В ежегодных рождественских и пасхальных выпусках «Ласточки» публиковались стихи, сказки, статьи, которые поддерживали у детей интерес к русским народным верованиям и обычаям, а для многих юных читателей – раскрывали их впервые.

В художественном поиске и выражении своих взглядов эмигранты были гораздо свободнее, чем советские писатели. В отличие от журналов советской России «Ласточка» давала в каждом номере большой обзор новостей, в том числе заграничной жизни. В них анонсировались и освещались события современной жизни Китая, а иногда и Европы.

Характерно, что политическая и культурная ситуация России 1920-1940-х гг. не нашла своего прямого отражения на страницах журнала: изгнанники словно намеренно избегали описания и прямых оценок происходящих в Отечестве событий. Вместе с тем, в своем творчестве писатели были максимально честны и откровенны в обращении к детям. Деликатно, едва заметно, сквозь недомолвки и недосказанность чуть заметным пунктиром в «Ласточку» пробивалась трагедия настоящего. Таким способом детская литература и журналистика в эмиграции воспитывали и сохраняли в подрастающем поколении чувство Родины, ограждали сознание юных изгнанников от чувства ненависти к виновникам их изгнания.

Время не только корректировало структуру и содержание журнала, но и позицию редактора. К концу 1930-х – началу 1940-х гг. национальный акцент издания заметно ослабевает: повествования о России, русском быте, народных обычаях сменяют стихи и рассказы о Маньчжурии, переводы китайских сказок. Все чаще появляются публикации о праздновании китайского Нового года, японского праздника детей. Эти изменения отражали динамику жизни, ее новые вызовы, потребности. Но, во многом, содержательные изменения были вызваны и сменой редактора «Ласточки».

Если первые номера журнала редактировали А.Я. Буйлов, Е.С. Кауфман, М.С. Рокотов – выходцы из России, с самого рождения пребывавшие в атмосфере русской национальной культуры, покинувшие родину в зрелом возрасте, то последний редактор «Ласточки» – Е.А. Васильева – была привезена в Китай шестимесячным ребенком. Подобно многим детям эмигрантов, бесменный автор журнала и, впоследствии, его редактор, знала Россию лишь заочно, по рассказам старшего поколения. Поэтому вполне естественно, что оторванность от национальной почвы вынуждала обращаться к единственно доступной реальности (Китаю, Маньчжурии) и со временем привела к формированию нового читателя – читателя с билингвистическим мышлением.

Продуктивная издательская деятельность дальневосточной эмиграции обусловила рождение нового детского издания, издания особого типа. Журнал «Ласточка» во многом сохранил приверженность традициям русской журналистики и, вместе с тем, отвечая духу времени, вобрал в себя всю полноту и сложность культурно-исторических событий Восточной Азии 1920-

1940-х гг. Динамика развития издания обнаруживает сложные интеграционные процессы взаимодействия русской и китайской культур, приведшие к формированию нового типа читателя в русскоязычной среде.

Библиографические ссылки

1. *Хисамутдинов А. А.* По странам рассеяния: Монография: В 2 ч. Ч. 1. Русские в Китае / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. – С. 91.
2. *Хисамутдинов А. А.* Русское слово в стране иероглифов: к истории эмигрантской печати, журналистики, библиотековедения и архивов: монография / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. – С. 140.
3. *Васильева Е. А.* (Юрка). Детский журнал «Ласточка» / Политехник (Сидней). 1979. № 10 // Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 97-100.
4. *Арзамасцева И. Н.* Детская литература: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / И.Н. Арзамасцева, С.А. Николаева. – 4-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 576 с.
5. *Ласточка:* журнал / ред. Е.А. Васильева. – Харбин: «Заря», 1942. – ГАХК, НСБ, инв. № 3030.
6. *Ласточка:* журнал / ред. Е.С. Кауфман. – Харбин: «Заря», 1933. – ГАХК, НСБ, инв. № 3028.
7. *Крейд В. П.* Все звезды повидав чужие // Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. – М.: Время, 2001. – 688 с.